

УДК 94(575.2): 392–055.2

**К ВОПРОСУ ОБ УСТОЙЧИВОСТИ СИСТЕМЫ ВЗГЛЯДОВ НА “ЖЕНСКИЙ ВОПРОС”
В СРЕДНЕАЗИАТСКОМ ОБЩЕСТВЕ:
НА ПРИМЕРЕ РАННЕСОВЕТСКОГО ПЕРИОДА**

О.Л. Сумарокова

Исследуются особенности системы взглядов на “женский вопрос” в оседлой и кочевой культурах Средней Азии в начале XX в. Обосновывается тезис о том, что принципы отношения к женщине в среднеазиатском исламском обществе отличались от тех, что были сформулированы во времена пророка Мухаммеда, и являлись продуктом культурно-исторического развития региона. Рассмотрены способы приспособляемости религиозных практик к условиям новой социально-политической реальности, обусловленной установлением советской власти.

Ключевые слова: “женский вопрос”; ислам; Средняя Азия; Киргизская ССР; раннесоветская политика; калым; многоженство; ранние браки.

**ОРТО АЗИЯ КООМУНДА «АЯЛДАР МАСЕЛЕСИНЕ» КАРАТА КӨЗ КАРАШТАР
СИСТЕМАСЫНЫН ТУРУКТУУЛУГУ:
БАШТАПКИ СОВЕТТИК МЕЗГИЛДИН МИСАЛЫНДА**

О.Л. Сумарокова

Бул макалада XX кылымдын башында Орто Азиянын отурукташкан жана көчмөн маданиятында “аялдар маселесине” карата көз караштар системасынын өзгөчөлүгү изилдөөгө алынган. Орто Азиянын ислам коомунда аялдарга болгон мамиленин принциптери аймактардын маданий-тарыхый өнүгүүсүнүн негизи болгон Мухаммед пайгамдардын мезгилинде калыптанган мамиледен айырмаланат деген тезис негизделет. Диний тажрыйбалардын совет бийлигинин орношу менен шартталган жаңы социалдык-саясий реалдулуктун шарттарына ыңгайлашуу ыкмалары каралат.

Түйүндүү сөздөр: “аялдар маселеси”; ислам; Орто Азия; Кыргыз ССР; баштапкы советтик саясат; калың; көп аял алуу; эрте никеге туруу.

**TO THE ISSUE OF THE STABILITY IN THE SYSTEM OF VIEWS
ON THE “WOMEN’S QUESTION” IN THE CENTRAL ASIAN SOCIETY:
ON THE EXAMPLE OF THE EARLY SOVIET PERIOD**

O.L. Sumarokova

The article analyzes the features of the system of views on the “women’s question” in the settled and nomadic cultures of the Central Asia in the beginning of XX century. The author argues the thesis that the principles of attitude to women in the Central Asian Islamic society differed from those that were formulated in the time of the prophet Muhammad, and were the product of the cultural and historical development of the region. The article regards the ways of adaptation of religious practices to the conditions of the new socio-political reality caused by the establishment of Soviet authority.

Keywords: “women’s question”; Islam; Central Asia; Kirghiz SSR; early Soviet politics; kalym; polygamy; early marriage.

Религиозная политика советской власти в начале 20-х гг. XX в. оказалась сопряженной с одним из актуальнейших дискурсов той поры – “женским вопросом”, актуализированным

совокупностью социальных, философских, исторических и политических проблем, связанных с положением женщины в обществе, ее семейно-бытовыми и общественно-политическими

ролями, правами и свободами, а также с их ограничением и узурпацией. “Пролетариат не может добиться полной свободы, не завоевывая полной свободы для женщин” [1], – таков был послыл лидера Октябрьской Революции В.И. Ленина.

Теоретической базой “женского вопроса” стала классическая работа Фридриха Энгельса “Происхождение семьи, частной собственности и государства”, в которой он попытался развенчать аксиому о подчиненности женщины более сильному мужчине, прибегнув к историческому анализу семейных отношений, начиная с Древнего мира вплоть до современности. Решением проблемы гендерного угнетения немецкий философ считал ликвидацию частной собственности, всеобщую занятость и труд, поскольку “господство мужчины в браке есть простое следствие его экономического господства и само собой исчезнет вместе с последним” [2, с. 84].

Таким образом, право женщины на труд провозглашалось главным условием ее раскрепощения. Из хранительницы очага она должна была стать гражданкой, активным созидателем со свободной волей и трезвым социалистическим мышлением, а потому исходной точкой в решении “женского вопроса” в Советской России стала реформа семейно-брачного законодательства, начавшаяся с декретов СНК РСФСР “Об отделении церкви от государства и школы от церкви” от 20 января (2 февраля) 1918 г., “О расторжении брака” от 16 (25) декабря 1917 г., “О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния” от 18 (31) декабря 1917 г. и пр.

Новые нормы брачного поведения довольно легко были восприняты населением Европейской части России, преимущественно интеллигенцией советских городов, чего нельзя было сказать о среднеазиатском обществе, веками регламентировавшем взаимоотношения между мужчинами и женщинами консервативными исламскими догматами и пережиточными нормами доисламских правовых комплексов.

Система взглядов ислама в отношении женщины как в обществе в целом, так и в рамках института семьи в частности, формировалась на основании многочисленных мусульманских источников, главным из которых являлся Коран и сунна, претерпевшие значительные изменения со времен Пророка: одни из произнесенных прежде аятов заменялись новыми, другие получали иное истолкование [3, с. 232]. Не всегда

понятные в период своего появления суры, аяты и хадисы оказались и вовсе непостижимыми в более позднее время, особенно в регионах, населенных мусульманами неарабского происхождения.

С увеличением временного отрыва от эпохи Пророка работа по разъяснению исламских догматов полностью легла на плечи тафсиристов – толкователей Корана и сунны – привнесших в дополнение к сугубо исламским установлениям – многоженству, ранним бракам – узаконения, связанные не столько с религиозными предписаниями, сколько с веками формировавшимися собственно идеологическими и социальными нормами жизни. Выданные за божественное установление, некоторые из них вошли в составленный и окончательно отредактированный Коран при распространении власти арабских халифов вне Аравии и были доведены до своей противоположности исконно кораническим рекомендациям. В первую очередь это касалось свято соблюдавшегося в быту среднеазиатских народов и отсутствовавшего в раннеисламской культуре женского затворничества – содержания мусульманок в отдельных закрытых помещениях, недоступных для посторонних мужчин. “Жена не должна ходить, стоять и показаться людям, свидание с которыми ей не дозволяется” (ст. 5); “Если она не имеет необходимости по Шариату являться в публичные места, то таковые не должна посещать. Будь необходимо или не, во всяком случае она не должна ходить без позволения мужа” (ст. 36) [4, с. 7] – детально описывал нормы поведения мусульманок мусульманский закон.

Отрицая данное явление как предписание религии, исследователи приводят в пример свидетельство историка ат-Табари (838–923 гг.) о том, как однажды сподвижник пророка Мухаммеда второй Праведный халиф Омар I (634–644 гг.) позвал свою жену Умм Кельсум по имени к столу, за которым сидел гость. Когда же она отказалась, сославшись на то, что не одета соответствующим образом, халиф пожалел об этом. “Если бы она согласилась, – сказал он, – то ты, гость, был бы лучше угощаем” [5, с. 9].

Интересен факт назначения вторым Праведным халифом руководителем главного рынка в Медине женщину по имени Шифа бинт Абдулла. Кроме того, как указывают исламские богословы, женщины времен его правления могли свободно выражать свое мнение, даже если

обсуждения касались политических мнений, не согласных с позицией халифа или какого-либо другого высокопоставленного лица [6, с. 256].

Элементом затворничества являлось ношение мусульманками Средней Азии ритуальной одежды, закрывавшей лицо, шею и руки – никаба, паранджи и чачвана. Не упоминаемые ни в Коране, ни в сунне, они, по мнению заведующего отделом этнографии Средней Азии и Казахстана Музея этнографии и антропологии (Кунсткамера) РАН (Санкт-Петербург) Р.Р. Рахимова, являлись “наследием весьма отдаленных доисламских представлений, интегрированных в систему исламских ценностей и воззрений” [7, с. 5].

Коран лишь предписывал мусульманкам “лучше укутываться в свои одеяния. Так легче будет отличить их [от служанок и рабынь], и тогда не подвергнутся они унижениям каким-либо” (33; 59) [8, с. 439].

Как утверждают исследователи, “паранджа в качестве уличной накидки мусульманки не была привнесена в Среднюю Азию арабами – носителями ислама – в период их завоевательных походов сюда в VIII в. [9, с. 82], а стала ассоциироваться с исламом лишь на последних этапах своей истории. Также к позднему средневековью исследователи относят обычай ношения чачвана [5, с. 10]. В целом их появление объясняется религиозным фанатизмом, явившимся реакцией на все прогрессивное, особенно усилившимся после смерти просвещенного правителя тюркской державы Тимуридов Улугбека (XV в.), а также постепенным углублением в последующие века влияния в Средней Азии, особенно в среде оседлого населения, ортодоксального ислама и засилья схоластического богословия.

Тем не менее, к началу XX в. вышеописанные воззрения и традиции, проросшие на среднеазиатской почве, представлялись уже не чем иным как истинным учением пророка Мухаммеда. Именно с такой установкой, как борьба против проявлений ислама, в 20–40-е гг. XX в. в Средней Азии была организована кампания “худжум”, включавшая в себя, прежде всего, выведение женщины в публичное пространство, привлечение к общественно-политической работе и производственному труду, освобождение от части обязанностей по уходу и заботе о доме, семье и детях. Ее демонстративной стороной стало публичное снятие и сжигание паранджи как “символа угнетения и рабства”.

Худжум в широком смысле этого слова коснулся, в том числе, кочевой части населения советского Востока, регламентировавшего различные сферы своей жизни по большей части нормами обычного права – адата, а не шариата, выказывавшего к первому большую терпимость. Со временем под влиянием шариата брачные отношения кыргызов претерпевали некоторые изменения, в частности обязательным стал обряд бракосочетания с участием мулы – нике.

Согласно нормам обычного права основным типом брака у кыргызов являлся моногамный, однако имела место и полигамия, сложившаяся в кочевом обществе задолго до проникновения сюда ислама. По мнению С. Абрамзона, последний “лишь санкционировал, “освятил” [10, с. 33] эту традицию. “Разбогатеет сарт – строит дом; разбогатеет киргиз – набирает жен”, – гласила среднеазиатская пословица.

Одним из условий вступления в брак являлось достижение совершеннолетия молодых людей, которое, согласно адату, наступало в пятнадцатилетнем возрасте. Однако в различных областях совершеннолетними могли считаться девочки 13–15 лет и юноши 16–18 лет [11, с. 33]. Фактически брак заключался и в более раннем возрасте. В деле о браке, совершенном с малолетним из аула № 3 Арымской волости Джала-лабадского округа (1925 г.), сообщалось: “Эсенбаю около 14 лет, жене его – 19. Женаты они уже 3 года. Когда Эсенбай был совсем маленьким мальчиком, отец решил женить его на теперешней жене и начал платить калым. Четыре года тому назад отец Эсенбая умер, родственники решили, что юрте нельзя оставаться без хозяина и хозяйки, и потому решили тот час же женить мальчика. В момент заключения брака Эсенбаю было едва 11 лет, а жене 16. <...> Поставленные рядом “супруги” производят странное впечатление...” [12, с. 75].

По общим правилам обычного права, вступление в брак сопровождалось уплатой выкупа – калыма, – свидетелем которого об отношении к женщине в кыргызском обществе, как к движимому имуществу, которое должно было, как минимум, окупиться в процессе пользования им и его семьей [13, с. 22]. В процессе синтеза адата и ислама он стал отождествляться в кочевой среднеазиатской среде с кардинально иным понятием – исламским “махром” – свадебным подарком невесте, – что, однако, сути его не меняло. Начиная со второй половины

XIX в. кыргызы платили калым крупным и мелким рогатым скотом. Его размеры могли существенно варьировать в зависимости от области [14, с. 19].

На заре советской власти калым, многоженство, умыкание невесты, затворничество и пр. были признаны пережиточными явлениями, обусловленными религиозными предрассудками, унижающими честь и достоинство восточных женщин. Непреклонную борьбу с данными религиозными практиками было решено вести различными методами – от научного просвещения до законодательных запретов. Так, 14 июня 1921 г. Туркестанский ЦИК издал декрет “Об отмене калыма”; был определен минимальный возраст брачующихся – для мужчины 18 лет, а для женщины 16 лет, а также запрещено принуждение к вступлению в брак, наказывавшееся лишением свободы сроком до 5 лет. 25 февраля 1925 г. было опубликовано Постановление революционного комитета Кара-Киргизской автономной области об уголовной ответственности за двоеженство и многоженство, каравшиеся принудительными работами на срок до одного года [15].

В 1927 г. началась планомерная идеологическая работа Среднеазиатского бюро ЦК ВКП(б) по наступлению на старый быт, в программу которого, помимо борьбы с женской безграмотностью, подготовки актива из коренного населения, была включена “популяризация законодательств и подготовка показательных процессов не менее чем по одному в каждом окружном городе” [16, с. 90–91]. Об одном из них, прошедшем 22 марта 1927 г. в городе Ош (юг Киргизской ССР. – *О.С.*), газета “Советская Киргизия” писала: “Куча сброшенных покрывал возле стола президиума все росла. Через президиум прошло 110 женщин, сбросивших паранджу и получивших подарки в память этого для них дня – начала новой жизни” [17].

Однако, за пафосной констатацией в советских газетах интенсивного наступления эмансипации на Среднюю Азию скрывалось множество подводных камней, состоявших, к примеру, в открытом противостоянии мусульманского духовенства действиям советской власти. В старом Самарканде были случаи, когда муллы и ишаны посылали своих жен в ЦИК с жалобами, будто бы их насильно раскрывают, и писали в адрес советских работников письма, содержавшие угрозы физической расправы.

Нередкими были случаи насилия над “предавшими” многовековые устои азиатского общества. Только на территории современного Узбекистана за первый год худжума были убиты 300 женщин, первыми сбросившими паранджу. По Киргизской ССР такая статистика отсутствует, однако имеются описания отдельных случаев. Некоторые из них были представлены в работах кыргызского историка Ж.С. Татыбековой: “В Карасу (неподалеку от г. Оша) басмачи поймали двух женщин-активисток, проводивших агитацию за выборы делегатов на съезд, зверски убили их, а трупы повесили на мясном базаре” [18, с. 25]; “22-летняя активистка, делегатка Алымкан Мамыткулова была убита мужем прямо на судебном процессе при разборе их дела о разводе. Она посещала женские собрания, училась в школе ликбеза без согласия мужа, который ее жестоко избивал после каждого собрания. Не выдержав такого издевательства, Алымкан подала в суд на развод, где во время заседания муж бросился к ней с кинжалом и убил ее” [19, с. 62].

В некоторых областях конфронтация сменялась демонстрацией лояльности режиму. Она выражалась в вступлении исламских священнослужителей с ривоятами (версиями какого-либо положения исламского вероучения. – *О.С.*), из которых следовало, что “в Коране нет никаких узаконений на неприменное закрытие женщин и что работа по раскрепощению женщин не противоречит Корану” [17]. Однако все это было не более, чем мимикрией: несмотря на ряд принятых советской властью мер, декларации равенства прав женщин и мужчин, привнесенные извне, были неспособны существенно изменить практики повседневности. Так, несмотря на уголовную ответственность, удельный вес 15-летних замужних кыргызок, согласно данным переписи 1926 г., был самым высоким по стране (29,2 %). У “славянских народов” процент 15-летних женщин, состоящих в браке, колебался от 0,07 до 0,08 % [20, с. 151].

Уже к концу 20-х гг. XX в. проявились первые результаты борьбы с калымом. Факт его уплаты и получения стало квалифицироваться как “трудно раскрываемое преступление”. В первую очередь возникли сложности с определением того, что считать калымом. Кроме того, введение уголовной ответственности за дачу калыма привело к формированию своеобразных “калымных промыслов”, таких как перепродажа невесты нескольким женихам одновременно,

которые боялись обращаться с жалобами в суд, поскольку, выплачивая калым, сами совершали преступление.

К началу 30-х гг. XX в. натуральная выплата калыма (скотом, продуктами и пр.) была заменена денежной или осуществлялась как фиктивная сделка купли-продажи какого-то имущества. В результате этого гешефт легко было скрыть от властей, которые к тому же порой тоже не брезговали подобного рода пережитками: 18 из 258 ответственных работников Киргизии из среды коренного населения после революции женились по калыму (с уплатой выкупа за невесту), трое по наследству (после смерти родственника), двое имели по две жены.

Таким образом, на заре советской власти среднеазиатское традиционное общество смогло выработать механизмы ловкого маневрирования между требованиями советского государства, с одной стороны, и религиозными обычаями – с другой. Вопреки всем законодательным запретам и уголовному наказанию, калым в разной форме продолжал практиковаться на протяжении всего советского периода. Выйдя на заре национальной независимости Кыргызстана из категории уголовных преступлений, калым наряду с иными религиозными пережитками стал инструментом утверждения собственно кыргызской национально-культурной специфики, продемонстрировав свою историческую устойчивость, и оказавшись крайне популярным и в современных реалиях.

Литература

1. Ленин В. К женщинам-работницам / В. Ленин // Правда. 1920. № 40.
2. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // К. Маркс, Ф. Энгельс. Полное собрание сочинений. М.: Изд. политлитературы, 1955. Т. 21.
3. Резван Е.А. Тафсир аль-Кур'ан // Ислам: энциклопедический словарь / отв. ред. С. М. Прозоров / Е.А. Резван. М.: Наука, 1991.
4. Пальванова Б.П. Эмансипация мусульманки / отв. ред. Т.С. Саидбаев / Б.П. Пальванова. М.: Наука, 1982.
5. Климович Л.И. Ислам и женщина / Л.И. Климович. М.: Знание, 1958.
6. Ibn Najar. Fat-hul-Bari. Рияд, 2005. Т. 11.
7. Рахимов Р. Завеса тайны: о традиционном женском затворничестве в Средней Азии / Р. Рахимов // Этнографическое обозрение. 2005. № 3.
8. Коран / пер. С арабского и комментариев М.-Н.О. Османова, В.Д. Ушакова / отв. ред. В.Д. Ушаков. 2-е изд. перераб. и доп. М.: Восточная литература, 1999.
9. Лобачева Н.П. К истории паранджи / Н.П. Лобачева // Этнограф, обозрение. 1996. № 6.
10. Абрамзон С.М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи / С.М. Абрамзон. Бишкек: Кыргызстан, 1990.
11. Джумагулов А. Семья и брак у кыргызов Чуйской долины / А. Джумагулов. Фрунзе: Изд. АН Киргизской ССР, 1960.
12. Кушнер П. Горная Киргизия: социологическая разведка / П. Кушнер. М.: Изд. Комм. Ун-та Трудящихся Востока им. И.В. Сталина, 1929.
13. Кража невест и многоженство: социальные, правовые и криминологические аспекты предупреждения / отв. ред. Л.Ч. Сыдыкова. Бишкек: Изд-во КРСУ, 2014.
14. Кадыров К. Кыргызстан. Традиции и обычаи киргизов / К. Кадыров. Бишкек: Раритет, 2005.
15. Известия ЦК КП(б) Туркестана и ЦИК Советов Туркестанской республики". 1921. 4 июля.
16. Великий Октябрь и раскрепощение женщин Средней Азии и Казахстана (1917–1936 гг.): сборник документов и материалов / отв. ред. З.А. Астапович. М.: Мысль, 1971.
17. Советская Киргизия. 1927. 30 марта.
18. Татыбекова Ж.С. Великий Октябрь и женщины Киргизстана / Ж.С. Татыбекова. Фрунзе: Кыргызстан, 1975.
19. Татыбекова Ж.С. Раскрепощение женщины-киргизки Великой Октябрьской Социалистической Революцией: 1917–1936 гг. / Ж.С. Татыбекова. Фрунзе: Изд. АН Киргизской ССР, 1963.
20. Каракеева С. Становление социалистических отношений в семье и быте киргизов / С. Каракеева // Утверждение социалистических отношений в Киргизии и коммунистическое воспитание молодежи. Фрунзе: Илим, 1978.